

В. Ф.
ОДОЕВСКИЙ

Избранное

Владимир Федорович Одоевский
Два дерева
Серия «Сказки дедушки Иринея»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=646145
Владимир Федорович Одоевский. Избранное: М.; 2011*

Аннотация

«Дети были очень рады такому подарку и каждое утро бегали посмотреть, не выросли ли яблоки на их деревцах. Но не только яблок, но и листьев на них не было. Детям было очень досадно, что их деревца такие ленивые или скудные, что от них не только яблочка, но и ни одного листика добиться нельзя. Миша так даже на своё дерево рассердился, что перестал ходить к нему в гости; бегал и играл по аллеям в другой стороне сада, а на своё деревцо и не заглядывал...»

Владимир Федорович Одоевский Два дерева

У одного деревенского помещика было два сына-близнеца, т. е. которые родились в одно время. При их рождении отец посадил два яблонные деревца. Дети подросли, и деревца подросли. Когда детям минул третий год, отец им сказал: «Вот тебе, Петруша, дерево, и вот тебе, Миша, дерево. Если вы будете за ними хорошо ухаживать, то на них будут яблоки, и эти яблоки ваши».

Это было в начале весны, когда ещё во рвах лежит снег, трава ещё не зеленеет и на деревьях нет ни листика.

Дети были очень рады такому подарку и каждое утро бегали посмотреть, не выросли ли яблоки на их деревцах. Но не только яблок, но и листьев на них не было. Детям было очень досадно, что их деревца такие ленивые или скупые, что от них не только яблочка, но и ни одного листика добиться нельзя. Миша так даже на своё дерево рассердился, что перестал ходить к нему в гости; бегал и играл по аллеям в другой стороне сада, а на своё деревцо и не заглядывал.

Петруша поступал не так. Он не пропускал ни дня, чтобы не посмотреть на своё деревцо, и скоро заметил в нём большую перемену.

Ещё с зимы остались на сучьях какие-то шишечки, и не раз, смотря на них, Петруша думал, зачем эти шишечки? Уж не срезать ли их, тогда бы все прутики были гладенькие. Однако ж он не решился их срезать, а спросил о том у садовника.

Садовник засмеялся.

– Нет, – сказал он, – сударь, отнюдь не режьте этих шишек: без них дерево жить не может. Вот ужо увидите, что из них будет.

Петруша поверил садовнику, а всё-таки ему было жаль, что прутия на яблоньках не гладенькие.

Однажды Петруша, осмотревши своё деревцо, заметил, что шишечки на ветвях сделались больше и как будто разбухли.

Сначала он подумал, не занемогло ли деревцо, но, посмотрев повнимательнее, увидел, как иные из шишечек раздвоились и из них выглядывало что-то прекрасного зелёного цвета.

– Посмотрим, что будет, – подумал Петруша.

Теперь он стал ещё чаще и внимательнее присматривать за своим деревцом.

Вот через несколько времени то, что было в почке зеленоватого цвета, обратилось в маленькие листики, свёрнутые в трубку. Эти зелёные листики были сверху прикрыты двумя черноватыми листиками.

– Посмотри, – говорил Петруша садовнику, – посмотри,

Игнатъич, уж на моём деревце листики, только они что-то не скоро растут; им, видно, мешают эти негодные чёрные листики, которые их держат будто в тисках. Я хочу помочь бедным листикам выйти скорее на свет. Я на одной ветке уже снял эти чёрные листики, теперь зелёные будут расти свободнее.

Садовник опять рассмеялся.

– Напрасно, – сказал он, – эти чёрные листики словно крышки над зелёными, а зелёные ещё молоды, слабы; плохо им будет без крышки.

Это очень огорчило Петрушу, особенно когда к вечеру сделалось что-то очень холодно и папенька велел затопить камин. Греясь против огня и посматривая на окошки, которые запушило вешним снегом, Петруша вспомнил о своём деревце и подумал: каково-то моим бедным зелёным листикам, у которых я снял покрывку?

На другой день Петруша, одевшись, тотчас побежал в сад к своему деревцу, и что ж он увидел? Все те почки, с которых он снял покрывку, завяли, а те, на которых осталась покрывка, как ни в чём не бывали. Петруша пожалел, да уж делать нечего.

Между тем время идёт да идёт; листики с каждым днём становятся больше и больше и раздвигают свою чёрную покрывку.

Вот между листиками показалась новая зелёная почка. Садовник говорил, что это завязь.

Вот на завязи показалась маленькая белая шишечка.

Эта шишечка росла, росла, раскрылась и сделалась цветком.

Этих белых цветков было так много, что издали казалось, будто всё деревцо покрыто снегом. Петруша не мог налюбоваться своим деревцом.

Садовник сказал, что почти с каждого цветка выйдет по яблоку. Это казалось Петруше очень странным, каким это образом из цветка делается яблоко? А между тем ему хотелось узнать, сколько у него будет яблоков; каждый день он принимался считать цветки, но никак не мог перечесть, – так их много было.

Однажды, когда он занимался таким счётом, Петруша видит, что-то между цветами шевелится; смотрит – то прехорошенький зелёный червячок ползёт по ветке. Петруша вскрикнул от радости.

– Смотри, Игнатъич, к моим белым цветочкам гости пришли, – сказал он садовнику, – посмотри, так и вьются вокруг них.

– Хороши гости! – отвечал Игнатъич. – Эти гости много кушают. Если их не сбрасывать, то они ни одного листочка на дереве не оставят. Нынешний год такая напасть от червей, что не успеваешь их обирать. Того и смотри, что ни одного яблока с дерева не снимешь.

Петруша призадумался. Смотрит, в самом деле, червяки припадут то к листку, то к цветку и точат так исправно, что не пройдёт минуты, как из листка уже целый край выеден.

Жаль было Петруше зелёных червячков, а делать было нечего: не кормить же было их яблоками?

Вот Петруша принялся обирать этих злых червячков, бросать их на землю и топтать.

Много было ему работы. Каждое утро он приходил избавлять своё деревцо от незваных гостей, и каждое утро они снова появлялись. А тут другая беда: смотришь – на деревцо и муравья полезли. Петруша схватил было одного, но муравей так щипнул его за палец, что Петруша даже закричал. На крик прибежал Игнатъич, узнал, в чём дело, рассмеялся по своему обыкновению, взял немного сырой земли, потёр ею Петрушин пальчик, и боль прошла.

– Ну, – говорил Петруша Игнатъичу, – теперь совершенная беда, – плохо моему деревцу приходится; от червячков я мог его избавить, они так лениво ходят, а вот эти кусаки ещё и бегают скоро, их и не поймаешь.

– Не трогайте их, – сказал Игнатъич, – они за делом на дерево ходят.

– Как не трогать, – говорил Петруша. – Если уж они меня кусают, то что ж от них достанется бедному деревцу, у которого нет ни рук, ни ног, которому нечем от них защититься.

– Муравьи больно кусаются, – заметил Игнатъич, – но они деревцу вреда не делают.

– Да зачем же они на него ходят? – спросил Петруша.

– А вот зачем, – ответил Игнатъич, – посмотрите!

Петруша взглянул и с большим удовольствием увидел, как

пара муравьев, схватив большого червяка в охапку, тащила его с дерева долой.

Петруше показалось это очень любопытным. Ему захотелось узнать, что тут будет.

Вот видит он, что муравьи с большим трудом стащили червяка на землю. Тут уж им тащить было гораздо труднее: да, к счастью, встретился им третий муравей, верно, знакомый или просто добрый молодец. Он тотчас бросился на подмогу двум работникам, и они все трое вместе начали очень искусно переваливать червяка с травки на травку. Тут Петруша заметил, что задний муравей иногда становился на цыпочки, чтобы приподнять червяка, а передний вешался всем телом, чтобы перетянуть червяка на другую сторону. Петруше хотелось узнать, куда пробираются муравьи с своей ношей.

Вот они выбрались из травы. Петруша смотрит, – в том месте по земле словно дорожка проложена и по этой дорожке снуют муравьи в обе стороны и в больших хлопотах: кто тащит зерно, кто соломинку, кто мошку, кто просто бежит; двое встретятся, остановятся, как будто поговорят друг с другом, и опять за работу. На этой большой дороге наши работники встретили много помощников; червяка потащили так скоро по глади, что Петруша едва успевал следовать за ним глазами; наконец, муравьи добрались до небольшой кучки, складенной из соломы и хворосту, – такая кучка называется муравейником, – вскарабкались на кучку, правду

сказать, не без труда: иной свалился, иному, может быть, и колотушка досталась, но всякий скоро оправлялся и опять за работу, а работа была нелёгкая. Червяк извивался в разные стороны и, кажется, никак не хотел идти в гости в муравейник, но пока одни его держали за ножки, за головку, за волоски, другие проворно разбрасывали под червяком хворост, так что червяк мало-помалу всё опускался вглубь, а наконец, его и совсем не стало видно.

Петруше жаль было бедного червяка, но, однако же, с тех пор, встречаясь с муравьями, он всегда снимал картуз и очень вежливо им говорил: «Здравствуйте, господа муравьи, мои помощники, много ли вы червей с моего дерева натащили?» Одного только жаль было, что муравьи на эту учтивость никогда ничего не отвечали. Правда, когда Петруша подходил к ним слишком близко, они поднимали головки и как будто слушали, но, видя, что Петруша им никакого вреда не делал, снова принимались за своё дело.

Благодаря этим помощникам, а также и своему попечению, скоро на Петрушином деревце не осталось больше ни одного червячка, и цветки росли всё пышнее и пышнее и пахли свежим запахом; иногда налетали на них мотыльки и бабочки, опускали свой носик в чашечку цветка, тянули из него сладкую каплю и опять улетали.

Петруше также хотелось заглянуть в самый цветок и посмотреть, что в нём такое. Он заметил, что у яблонного цветка пять белых листиков.

Отчего, подумал он, у этого цветка только пять листиков? у других не больше ли будет? Посмотрим.

Он принялся считать белые листики то на том, то на другом цветке, но по всей яблоне на каждом цветке было пять листиков, – ни больше, ни меньше, и у каждого эти пять листиков вставлены были в зелёную трубочку. Заглянул он в середину цветка: посреди белых листиков было множество тоненьких тычинок с жёлтыми головками. Он было принялся считать и эти тычинки, но никак не мог перечесть, – так этих тычинок было много.

Между тычинок торчало ещё что-то беленькое, но без жёлтой головки.

Петруше захотелось узнать, что это такое между тычинками.

Он оборвал осторожно сперва белые лепестки цветка, потом тычинки и немало удивился, когда увидел, что в середине были какие-то пестики. Он счёл их: их было также пять. Это ему показалось странным. Петруша сорвал ещё несколько цветков: в каждом было внутри по пяти пестиков, – не больше и не меньше.

Петруша, заметив это, положил себе чаще заглядывать в цветки, чтобы узнать, что выйдет из этих пестиков.

Между тем время шло своим чередом; много было бед на молодое деревцо: то дождь лился долго, а после того Петруша смотрит, – по его деревцу мох потянулся. Сначала Петруша тому было очень обрадовался, что его деревцо прина-

рядилось, а Игнатъич опять начал смеяться.

– Эх, сударь, – сказал он, – как ваше-то деревцо мохом затянуло!

– Ну так что же? – отвечал Петруша. – Видишь, как красиво?

– Оно красиво, правда, – заметил Игнатъич, – только вот что плохо, что вашему деревцу от такой красоты не поздоровится. Ведь этот мох – дармоед. От него ни цвета, ни плода, а между тем он вашим деревцом питается, сок из него тянет, на его счёт живёт.

Петруша послушался Игнатъича, очистил мох, собрал его в бумажку, принёс домой, и ему этот мох пригодился. Старшая сестрица выучила Петрушу наклеивать этот мох на бумагу, отчего выходили прехорошенькие картинки.

Были и другие беды. Вдруг дожди перестали идти, долго-долго не шли, и Петруша слышал, как старшие горевали, говоря: «Засуха, ужасная засуха!»

Петруша сначала не понимал, о чём тут горевать, когда дождь не идёт и можно каждый день гулять сколь хочешь. Но однажды утром приходит он к деревцу, смотрит – листики свернулись, цветы повисли. Петруша так и всплеснул руками.

А Игнатъич-насмешник опять смеётся.

– Пригорюнилось никак, сударь, ваше деревцо?

– Да отчего это? – спросил Петруша.

– Известное дело отчего, – сказал Игнатъич, – вы вашему

деревцу пить не даёте.

– Как пить?

– Да посмотрите, у него земля-то пыль пылью: коли не будете его поливать, так оно и совсем погибнет.

– Ах, какая беда, – вскричал Петруша. – Ну что теперь делать?

– Известное дело, – отвечал Игнатъич, – полить его водой поскорее. Дайте, хоть я вам помогу.

Игнатъич обкопал землю вокруг деревца и принялся усердно поливать её.

– Да что же это? – сказал Петруша. – Ты на смех, что ли, это делаешь? Выливаешь понапрасну воду на землю, и бедному деревцу ничего не достаётся.

– Уж будьте спокойны, сударь: ведь у деревца корешки-то в земле. Они всю воду высосут, а через корешки вода и в деревцо поднимется, и до листьев и до цветков доберётся.

Петруше очень хотелось видеть, как вода будет пробираться вверх по деревцу, но этого он не мог никак заметить. Игнатъич говорил, что вода пробирается не снаружи, а внутри дерева. В самом деле, когда Петруша посмотрел на отрезанный сучок у другого дерева, то ясно увидел, что внутри сучка всё были маленькие дырочки и что отрезанные места были сырые.

Петруша срезал несколько травок и увидел там дырочки ещё явственнее, и из срезанных мест целыми каплями выходила жидкость, иногда белая как молоко. Петруша взял боль-

шой ствол от лопушника, разрезал его и увидел, что вдоль ствола шли все трубочки, по которым, вероятно, пробиралась вода из земли. Тогда Петруша поверил Игнатьичу. И в самом деле, политое деревцо к вечеру опять повеселело; молодые листья развернулись и цветы распустились.